

Глава 7. Особый урок

Решение сохранить Цзинь Ханю жизнь пришло к Гу Наньчжао внезапно.

Теперь, когда его духовный корень был разрушен, каждое движение — даже обычный вдох или скромный шаг — отдавалось в теле глухой, невыносимой болью. О том, чтобы вступить в настоящий бой, не могло быть и речи. В тот день на Горе Запустения он одолел Цзинь Ханя лишь чудом: колоссальная духовная энергия, пробудившаяся в его теле, диким вихрем пронеслась по меридианам, но, не найдя опоры в разрушенном корне, едва не разорвала его изнутри. В тот миг, когда он замахнулся для смертельного удара, пальцы света судорога, и верный клинок едва не выскользнул из рук.

Цзинь Хань — беспринципный, погрязший в коварстве подлец. Замети он тогда хоть малейшую слабость, не сомневаясь ни секунды, перерезал бы Наньчжао горло. К счастью, тот поддался на блеф и отступил. Именно тогда Гу Наньчжао и передумал. Оставить врага в живых и таскать за собой казалось безумием, но в этом крылся холодный расчет. Во-первых, так Цзинь Хань не сможет, вернувшись в орден, тайно подослать к нему убийц. Во-вторых, искалеченному юноше отчаянно требовался сильный телохранитель.

Путь юноши лежал в Секту Небесной Тени. Стоило ему вспомнить взбалмошную и капризную дочь тамошнего главы, как он невольно нахмурился.

В прошлой жизни судьба не щадила его. Встреча с Сун Цинъюнь принесла ему долгожданное пристанище, но вместе с ним — еще больше унижений и боли, чем он знал прежде. И дело было не только в несносном, деспотичном характере юной госпожи — у нее имелся целый легион обожателей, которые из ревности то и дело изводили Наньчжао, превращая его жизнь в сущий ад. Сам он ни во что не ставил этих ничтожеств, но когда назойливой мошкары вокруг вьется слишком много, она начинает смертельно утомлять.

Цзинь Хань вызывал у него лишь глубокое отвращение, но нельзя было отрицать очевидного: тот все еще оставался старейшиной Секты Ясной Луны, признанным мастером и грозным практиком старшего поколения. Неофиты из Секты Небесной Тени при виде него будут испытывать инстинктивный страх. Пока он будет оставаться рядом, ни одна паршивая собака не осмелится открыто чинить ему препятствия.

Опасался ли Гу Наньчжао держать подле себя столь опасную гадюку? Нисколько.

Он твердо знал, что сможет удержать змею на коротком поводке.

Цзинь Хань, не подозревая о мрачных планах своего подопечного, успел с наслаждением отмокнуть в горячей купели и сладко проспать несколько часов. Когда он открыл глаза, за окном уже сгущались сумерки.

Толкнув створки окна, он впустил в комнату бодрящую прохладу, пропитанную многоголосым гомоном оживленной улицы. Вдоль мостовой тянулись ровные ряды багровых бумажных фонариков, выхватывавших из темноты пеструю толпу прохожих. Глядя на эту суету, он расплылся в довольной улыбке.

Как же чертовски приятно быть живым!

Полюбовавшись уличной суетою еще немного, он вдруг вспомнил о деле, вышел в коридор и постучал в дверь соседней комнаты. Спустя мгновение замок щелкнул. На пороге возник Гу Наньчжао, глядя на него со своим привычным ледяным равнодушием.

Цзинь Хань улыбнулся:

— Чжао-эр, идем. Учитель покажет тебе город.

Даже не поинтересовавшись, согласен ли тот, он развернулся и двинулся к лестнице, ни секунды не сомневаясь, что юноша послушно последует за ним.

Гу Наньчжао проводил его тяжелым, нечитаемым взглядом. Он прекрасно помнил, как там, на Горе Запустения, Цзинь Хань обмолвился, будто знает способ вернуть ему былую силу. Поначалу он счел это дешевой уловкой, попыткой сбить с толку, чтобы спасти собственную шкуру. Но теперь мозаика складывалась иначе: Цзинь Хань действительно владел этой тайной. Иначе зачем бы ему пускаться в путь до самого города Вэй и проявлять такое рвение к Великому собранию по отбору Секты Небесной Тени?

Гу Наньчжао задумчиво потер кончики пальцев. Ему, вернувшемуся из мертвых, было доподлинно известно, что в недрах Испытательного полигона секты скрыто то, что способно исцелить искаленные меридианы. Но откуда об этом проведал Цзинь Хань?

Не в этом ли крылась разгадка того, почему его некогда жестокий наставник так разительно изменился?

Юноша слегка нахмурился. Цзинь Хань шел в обитель Небесной Тени вовсе не из альтруизма и заботы о его здоровье. У этого эгоиста явно имелся свой корыстный интерес. Должно быть, он вождедел заполучить то редкое сокровище, что таилось на испытательном полигоне, и прибрать его к рукам.

Миновав лестничный пролет второго этажа, Цзинь Хань уловил позади себя едва слышное шуршание одежды — ученик послушно следовал за ним. Удовлетворенно усмехнувшись, он не стал дожидаться юношу и сразу вышел за порог постоянного двора.

Цзинь Хань прекрасно отдавал себе отчет в том, что сейчас больше всего на свете Гу Наньчжао жаждет лишь одного: восстановить свой разрушенный духовный корень, чтобы затем вернуться

в родные края, умыть врагов кровью и смыть позорное клеймо предателя. Он был на редкость умен. Пускай он и не представлял, с какого боку подступиться к исцелению искалеченного тела, до него доходили слухи о невероятном могуществе лекарей из Секты Небесной Тени. Узнав, что те открывают двери для новых послушников, он решил рискнуть и попытать удачи.

И ведь шельме чертовски повезло! Мало того что корень восстановил, так еще и заимел такую запредельную предрасположенность к культивации, какая ему раньше и не снилась. Да вдобавок ко всему подцепил тут главную героиню романа. Из вечно битого жизнью заморыша превратился в любимчика судьбы, которого холили и лелеяли.

Цзинь Хань мысленно присвистнул.

"Вот уж действительно, великая сила сюжетной брони и нимба главного героя."

Цзинь Хань незаметно скосил глаза назад. Гу Наньчжао уже почти поравнялся с ним. С его незаурядным умом юноша наверняка давно понял, что благородный наставник преследует в этой поездке личные цели. Пусть мотивы, побудившие обозленного мальчишку оставить его в живых, оставались загадкой, в одном он был уверен твердо: прямо сейчас Гу Наньчжао без него не справится.

Отгнав лишние думы, Цзинь Хань обернулся и мягко улыбнулся:

— Чжао-эр, пройдемся вон там, поглядим на лавки.

— Хорошо, — послушно отозвался Гу Наньчжао.

Их взгляды на долю секунды скрестились и тут же разошлись. Оба прекрасно понимали правила этой смертельно опасной игры. Они люто, до скрежета зубного, ненавидели друг друга, мечтая поскорее вогнать сопернику клинок в глотку, но этот поход связывал их мертвым узлом взаимной выгоды. А значит, им придется и дальше разыгрывать тошнотворный фарс взаимной заботы и преданности.

По обе стороны оживленной улицы пестрели лотки бродячих торговцев. Чего тут только не было: свитки с каллиграфией, костяные безделушки, бутафорское оружие, сладости и даже дешевенькие книжки с пикантными сплетнями о жизни именитых заклинателей. Цзинь Хань лениво перелистал пару таких брошюрок, но быстро заскучал. Куда больше его внимание привлекла скромная лапшичная, приютившаяся прямо у книжного развала.

После многочасового сна у него знатно разыгрался аппетит. Подойдя к свободному деревянному столу, он уселся на длинную скамью и призывно махнул рукой:

— Хозяин, сообрази нам две миски лапши!

Затем он кивнул топчущемуся рядом юноше:

— Чего застыл? Присаживайся.

Гу Наньчжао не проронил ни слова. Он молча обогнул стол и сел напротив.

Заведением заправляла чета средних лет. Они споро и ловко управились у котлов, и вскоре перед гостями уже стояли две дымящиеся миски. Поставив одну из них перед Гу Наньчжао, женщина сокрушенно покачала головой:

— Ну и холодрыга на дворе, молодой барин, а вы в одном исподнем почитай вышли. Так ведь и до горячки недалеко, поберечься надо.

Только после слов трактирщицы Цзинь Хань сообразил, что на его ученике действительно красуется лишь тонкое нательное белье. В такой пронизывающий холод прохожие кутались в теплые плащи с плотным подкладом, так что полураздетая фигура юноши посреди улицы выглядела вызывающе странно.

Гу Наньчжао выжал из себя вежливую полуулыбку:

— Благодарю за заботу, хозяйushка, но я привычен. Мне совсем не холодно.

— Да как же не холодно? — всплеснула руками женщина. — У вас же кончик носа совсем окоченел и покраснел!

Договорив, она одарила Цзинь Ханя весьма красноречивым, укоризненным взглядом. В ее глазах картина представляла однозначной: холеный, разодетый в дорогие парчовые одежды мужчина явно приходился этому юнцу старшим родственником или наставником. И то, что сам он грелся в тепле, пока его подопечный дрожал в рваном тряпье, выглядело как форменный произвол и издевательство над сиротой.

Поймав этот осуждающий взгляд, Цзинь Хань ни капли не смутился. Напротив, он неторопливо отложил палочки для еды и с виноватым вздохом произнес:

— Ох, матушка, ваша правда, не доглядел я. Мальчишка-то без матери растет, а у меня, сухаря черствого, ума не хватило вовремя сообразить. Все из головы вон.

Гу Наньчжао едва заметно вскинул бровь. Он и знать не знал, что у него, оказывается, где-то имеется нареченная «матушка».

"Если этот мерзавец когда-нибудь и впрямь решит обзавестись женой, несчастной девице останется разве что сразу заказать себе заупокойную службу."

Пока он предавался этим безрадостным размышлениям, Цзинь Хань продолжал лить в уши простодушной женщины сладкий яд:

— К тому же парень у меня с норовом, упрямый как осел. Нарыл где-то это старье и вбил себе в голову, будто истинному воину на пути совершенствования положено терпеть любые лишения. Мои слова для него — пустой звук, авторитета у меня, видать, маловато.

Стоило выслушать это «чистосердечное признание», как сердитые складки на лице женщины разгладились. Она с нескрываемым сочувствием и нежностью посмотрела на притихшего юношу:

— Ох, и не говорите, батюшка. Нынешняя молодежь вся с придурью, лишь бы поперек старших сделать. Мой оболтус точь-в-точь такой же, сладу нет.

— Вот-вот, — с напускной тяжестью вздохнул Цзинь Хань. — Одно слово — бунтари. Карцер по ним плачет.

Гу Наньчжао лишь крепче сжал в руках палочки. Он не собирался тратить душевные силы на выслушивание этого бреда. Он молча уткнулся в свою миску, стараясь не смотреть на глумящегося наставника. Но краем глаза все же уловил, как Цзинь Хань вальяжным движением плеч скидывает свое роскошное верхнее одеяние.

В груди юноши шевельнулось скверное предчувствие. Разумеется, оно его не обмануло: в следующее мгновение Цзинь Хань поднялся и аккуратно набросил теплое парчовое пальто ему на плечи. Плотная ткань, все еще хранившая живое тепло чужого тела, тяжело легла на его плечи. В нос ударил едва уловимый, прохладный аромат замерзшей хвои и чистого снега — тот самый, что он почуял тогда на Горе Запустения. Запах, принадлежавший только Цзинь Ханю.

Лицо Гу Наньчжао исказилось от брезгливости. Он уже дернул плечом, собираясь швырнуть дорогую ткань на грязную землю, но тяжелая, властная ладонь наставника опустилась ему на плечо, намертво прижав к скамье.

Цзинь Хань заглянул ему в лицо с видом любящего родителя, в чьих глазах сквозила фальшивая, приторная нежность:

— Накинь, погрейся маленько. Вот закончим с трапезой, и сразу пойдем подберем тебе приличный гардероб.

Гу Наньчжао скосил глаза на бледные пальцы, стискивавшие его плечо. Из ладони мужчины в его истощенные каналы тонкой струйкой полилось мягкое тепло. После перерождения, несмотря на сохранившуюся духовную искру, его физическая оболочка пребывала в плачевном состоянии. В этот морозный сезон он круглосуточно чувствовал себя так, словно его живьем замуровали в ледяной погреб. Одежды Цзинь Ханя были сотканы не из простой пряжи, а из редчайшего зачарованного шелка, который согревал тело не хуже жаровни. Стоило ли Гу

Наньчжао вредить самому себе из глупой гордости?

Юноша затих. Он неторопливо поправил ворот чужого плаща, плотнее запахивая полы, а затем вскинул взгляд на мужчину и кротко улыбнулся:

— Премного благодарен, учитель.

Глядя на эту ангельскую улыбку и покладистый вид, Цзинь Хань лишь мысленно раздосадованно цыкнул зубом. А он-то надеялся, что упрямый щенок начнет брыкаться и устроит сцену.

Скука смертная.

Покончив с едой, они еще немного покружили по торговым рядам, пока Цзинь Хань не высмотрел добротную лавку готового платья. Зайдя внутрь, он небрежно кивнул ученику:

— Выбери себе пару приличных вещей.

"Иначе честной народ решит, будто я морю своего преданного ученика голодом и держу в черном теле."

Гу Наньчжао не заставил просить себя дважды. Он быстро указал на два неброских дорожных комплекта и пару крепких кожаных сапог. Когда юноша вышел из-за ширмы, он застал Цзинь Ханя за весьма странным занятием: тот с живым интересом разглядывал ярко-алое, расшитое золотыми пионами одеяние. Наряд был настолько кричащим и вычурным, что приличный заклинатель постыдился бы примерить такое. Однако наставник, похоже, пребывал от этой безвкусицы в полном восторге.

Не успел Гу Наньчжао опомниться, как Цзинь Хань скомандовал хозяйке лавки:

— Эту заверните. Беру.

Гу Наньчжао бесшумно подошел ближе, скользя по наставнику внимательным взглядом. За те долгие годы, что он провел под его началом, Цзинь Хань ни разу не изменял своему правилу носить исключительно белоснежные, строгие одеяния ордена. С каких пор этого высокомерного сноба потянуло на столь дешевую, вульгарную пестроту?

Заметив появление подопечного, Цзинь Хань вальяжно махнул рукой в сторону хозяйки:

— То, что сейчас на нем, и второй комплект тоже запишите на мой счет. Заворачивайте.

Затем он повернулся к Гу Наньчжао:

— Снимать новую одежду не нужно. Ступай прямо в ней.

На Гу Наньчжао сейчас ладно сидел плотный дорожный костюм глубокого сапфирового оттенка. Волосы были аккуратно собраны в высокий хвост, на поясе покоился длинный меч, а высокие черные сапоги выгодно подчеркивали его стройную фигуру. Вся юношеская стать и былая гордость проступили в его облике с новой силой.

Сбыв за раз столько дорогого товара, хозяйка лавки так и расплылась в приторной улыбке. Она с завидным проворством увязала свертки бечевкой и вручила их Гу Наньчжао:

— Приходите еще, милостивые господа! Моя лавка всегда к вашим услугам.

Цзинь Хань небрежно усмехнулся:

— Договорились.

По дороге назад оба хранили упорное молчание. Гу Наньчжао, прижимая к груди свертки с покупками, бесшумно ступал следом за учителем. Спустя пару переулков он сообразил, что они сворачивают в темные закоулки, уводящие далеко в сторону от их постоянного двора. Однако юноша не проронил ни слова. Он лишь сильнее сжал кулаки, решив до конца посмотреть, какую ловушку приготовил ему этот лицемер.

Наконец Цзинь Хань завел его в тихий, скрытый от чужих глаз заброшенный дворик и остановился. Развернувшись к ученику, он спокойно произнес:

— До Великого собрания по отбору в Секту Небесной Тени осталось всего ничего. Пара дней, не больше.

Лицо Гу Наньчжао не дрогнуло ни единым мускулом:

— И?

— Я ведь обещал тебе тогда на горе, что помогу вернуть силу и исцелить разрушенный корень, — усмехнулся Цзинь Хань. — Способ действительно есть. И сокровище, способное сотворить это чудо, скрыто в землях этой самой секты.

Гу Наньчжао слегка прищурился.

"Значит, я был прав."

— Откуда почтенному учителю известны столь сокровенные тайны чужого ордена? — негромко спросил юноша.

Цзинь Хань снисходительно рассмеялся:

— У твоего учителя свои каналы связи, Чжао-эр. Ты слишком юн, чтобы забивать себе голову подобными вещами, все равно ничего не поймешь. Просто доверься мне. Разве твой наставник может желать тебе зла?

Глядя на его кроткое, исполненное отеческой теплоты лицо, случайный прохожий без тени сомнения принял бы его за самого любящего и преданного наставника на свете.

Гу Наньчжао прекрасно понимал, что вытянуть из этого проныры хоть каплю правды невозможно. Не желая тратить время попусту, он сухо перевел разговор в иное русло:

— Зачем ты привел меня сюда?

— Чтобы заслужить право обучаться в Секте Небесной Тени, тебе придется одолеть десятки соперников на арене, — спокойно разъяснил Цзинь Хань. — А сейчас ты — калека без капли духовной энергии. С твоим разрушенным корнем пробиться туда — все равно что попытаться дотянуться руками до небес.

Ежегодное Великое собрание по отбору Секты Небесной Тени проводилось не только ради вербовки неофитов: ученики из сотен других орденов съезжались сюда в надежде заслужить право на обучение. Секта занимала ведущее положение среди Ста Бессмертных Сект, оттого и конкурс среди соискателей был жесточайшим. Количество мест строго ограничивалось, а потому Великое собрание по отбору превращалось в суровую мясорубку. По сути, это были беспощадные бои на арене: право переступить порог ордена получали лишь единицы — те, кто устоял на ногах до самого конца.

Будь его воля, Цзинь Хань с величайшим удовольствием понаблюдал бы, как его строптивого подопечного вбивают лицом в каменные плиты арены. Лучше всего, если бы этого щенка там же и прикончили — одной проблемой меньше, и руки марать не надо. Но увы, без Гу Наньчжао путь к Испытательному полигону и скрытым там сокровищам был заказан. К тому же этот сопляк официально считался его личным преемником, носившим имя ученика великого Цзинь Ханя. И если его личного ученика на глазах у сотен заклинателей распинают как беззащитную дворовую собаку, позор падет на его собственную голову. Он, с его раздутым эго, не мог допустить подобного унижения.

Цзинь Хань мысленно взвесил все за и против.

"Какая разница? Он всего лишь инструмент. Натаскаю его немного, чтобы не опозорил мое имя, а как только доберусь до сокровища — лично сверну ему шею."

Придя к столь утешительному выводу, он ласково посмотрел на Гу Наньчжао и приторно улыбнулся:

— До турнира осталось всего ничего, так что твой заботливый наставник решил устроить тебе личную тренировку. Преподам тебе, так сказать, парочку особых уроков с глазу на глаз.

<http://bllate.org/book/20079/2038138>